

"ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ", 1959 г., том 2.

Патриарх Никон (1652-1658 гг.)

Кратковременное шестилетнее правление Никона оказалось чреватом катастрофическими последствиями.

Никон родился 24.V. 1605 г. в крестьянской семье села Вельдеманова, Княгининского уезда Нижегородской области. Отец носил имя Мины, будущий Никон крещен Никитой. Стало быть, прозывался в миру Никитой Миничем. Его старшим современником был его известный земляк Кузьма Минич Сухорукий. Никита был высокого роста, крепкого богатырского сложения, с колоритным лицом и выразительными глазами. В просторечии был мужчина "ражий." Впоследствии его патриаршие одежды были тоже богатырские. Саккос Никона весил четыре пуда, омофор около полутора пудов. Никон служил в них и ходил в далекие крестные ходы. Все в нем было богатырское. Этот силач сам мог много вынести, многого требовал и от других. Отсюда его жесткая административная рука. Сама жизнь его ожесточила с детства. Он вырос под рукой лихой мачехи. Она ненавидела его, била и чуть не уморила. Никита еще мальчиком убежал из дома в Макарьевский Желтоводский монастырь (Костромской губернии). Здесь он подвизался в добровольном подвиге монастырских служб и чтения книг. Отец умолял Никиту вернуться домой. В предвидении близкой смерти отца, Никита вернулся уже взрослым на 20-м году. Схоронив отца, он по уговору родных женился и сделался сначала дьячком, а затем и священником. В селе Лыскове, ныне городе Нижегородского края, близ Волги, Никита славился как священник. Против Лыскова на другом левом берегу Волги стоял монастырь строения того же Макария и возле него выросло селение Макарьево, впоследствии город, ставший центром раскидывавшейся здесь Макарьевской ярмарки, передвинувшейся затем в Нижний. Съезжавшиеся сюда московские купцы не могли не разузнать здесь о ставшим знаменитостью местном священнике Никите. Они зазвали Никиту переехать в Москву. Никита переселяется в столицу и здесь протекают мирно 10 лет его семейной приходской жизни. Вдруг все его три сына умирают; Никита потрясен и видит в этом знамение Божие, призыв "уйти из мира." Он стоваривается с женой, что она пострижется тут же в Московском Алексеевском Кремлевском монастыре, а сам он уезжает на Соловки в строгий Анзерский скит под начало старца Елеазара. Здесь на 31-м году своей жизни он постригается с именем Никона. Бремя подвига берет на себя богатырское. Кроме общего келейного правила, Никон ежедневно прочитывал всю Псалтырь и клал по 1.000 земных поклонов. Тут он прочитал много святоотеческих творений и другой церковной письменности. Жизнь была строго одинокая. Иноки сходились только по субботам и воскресеньям. Никон приобрел способность видений. Видения продолжались у него и в последующей жизни. По словам его жизнеописателя и келейника Шушерина, в это Соловецкое время "диавол велию брань нача воздымати на Никона: бесы давляху его и другие пакости деяху." Никон еще

более прибавил себе молитвенных подвигов. Но избыток сил, очевидно, требовал какого-то подвига не затворнического, а деятельного, практического. Мудрый Елеазар взял Никона с собой в деловую поездку в Москву, как умного советника.

В Москве Никон представлялся вместе с Елеазаром царю Михаилу Федоровичу. Вернулись они оба к себе с деньгами для построения каменного храма. Никон торопил с постройкой, а Елеазар оттягивал, считал это излишней роскошью. Никон не вынес ссоры и убежал. В небольшой лодке с мужиком-помором он пустился в путь на берег материка. Но в буре они едва не погибли. Спаслись, пристав к острову Кию, около устья Онеги. В 15-ти верстах от города Онеги впоследствии Никон в память этого спасения выстроил тут свой личный монастырь - Крестный. Из устья Онеги Никон прошел пешком 120 верст в Кожеезерскую обитель на острове Коже, Каргопольского уезда. Здесь по благословению настоятеля Никон опять начал подвиги уединения. Через три года по смерти настоятеля монахи избрали Никона игуменом и послали его на поставление в Новгород (1643 г.). В 1648 году Никон по делам монастыря прибыл в Москву. Молодой царь Алексей при первой же встрече возжелал иметь Никона на Москве. Никон его очаровал. Царь чтит Елеазара, ибо, по словам отца своего Михаила Федоровича, и самым рождением своим царь Алексей обязан был молитвам этого старца. Царь Алексей Михайлович не отпустил Никона из Москвы. Сделал его архимандритом Ново-Спасского монастыря, который был родовым монастырем-усыпальницей Романовых. Таким образом, Никон стал как бы домовым царским священником. Новый архимандрит обстроил, украсил монастырь и завел в нем строгие порядки. Царь зачастил в монастырь, а Никон - к царю. Тотчас к новому любимицу царя потекли челобитные. Он оказывал протекцию и тем приобретал популярность. Царь велел Никону являться к нему каждую пятницу к заутрени во дворцовую церковь. Тут докладывались царю челобитные и шли беседы с царем о всяких делах. К Никону не только "валил народ," но потянулись и бояре. Почуяли его силу и "князья церкви," протопопы Стефан Вонифатьев и Иван Неронов. Никону явно открывалась дорога на самый высокий пост. Через три года, в 1649 г., царь продвинул его на митрополию Великого Новгорода. Царь дал новому митрополиту особые полномочия как, может быть, в целях умиротворения Новгорода, так, вероятно, и по внушению самого Никона, который имел чрезвычайно высокие представления о превосходстве власти церковной над государственной. 1649 г. был годом составления нового гражданского "Уложения." В нем проведена была тенденция к секуляризации церковных имуществ и ограничению автономных привилегий судебного ведомства церкви. Это усиление государственного веса над бытовыми церковными привилегиями ощущалось, как обида, всем епископатом. Но один Никон готов был противопоставить этому факту не только обиду, но и целое богословие. С этого момента пред Никон обрисовывается главнейшая цель его церковного служения: - это победа над светским, боярским, государственным мировоззрением, казавшимся Никону нечестивым и не церковным, во имя православного церковного и канонического (как казалось Никону) преобладания Церкви над государством. Он хотел это выявить в своем

Новгородском правлении. Ему царь дал сразу привилегию, или изъятие из только что созданного "Уложением" нового статута. По "Уложению" весь гражданский суд над людьми церковного ведомства и все наблюдение за церковной экономикой подлежало ведению ново созданного государственного "Монастырского Приказа." Никону дано было право судить все население церковных земель своей митрополии по-прежнему своим церковным судом. Мало того, ему было дано исключительное право высшего надзора в новгородской области даже и над самым судом государственным. Он ходил по тюрьмам и контролировал светское судопроизводство. В то время как новгородским дьякам было строго запрещено вмешиваться в дела митрополичьи. В народе это Никону прибавляло популярности. Денежные средства кафедры Никон широко тратил на благотворительность. Он устроил четыре богадельни. Во время голода кормил триста человек ежедневно и учредил для неимущих погребальную палату. Во время народного бунта 1650 г. он вел себя мужественно. Дал сбежавшему воеводе Хилкову укрыться в его палатах и грудью выступил против бунтовщиков, ворвавшихся к нему.. Потерпел от них избиение и имел силы пойти на другую сторону Волхова служить там литургию, а после нее увещевать бунтовщиков и упорных - анафематствовать. Когда для усмирения бунта подошли московские войска князя Хованского и смяли новгородцев, тогда бунтовщики вместе с женами повалились в ноги к тому же Никону. И он ходатайствовал о прощении их. Этот великодушный акт покорила Никону сердца новгородцев и, разумеется, возбудил признательность и царя и правительства. Никон не раз приглашался в Москву царем и не переставал его радовать своими достижениями в сфере церковного благоустройства. Никон не задумываясь упразднил в Новгороде безобразие многоголосия и ввел единоголосие. Уничтожил старое "храмовое" пение ("согрешихомо, беззаконовахомо, неправдовахомо...") и завел пение гармоническое, трехголосное по киевскому образцу. Привлекал этим пением новгородцев и удивлял самую Москву, привозя певчих с собой. Царь любовался своим любимцем и с гордостью показывал его и иностранным гостям, как, напр. Иерусалимскому патриарху Паисию, который восхищался Никоном, и после своих бесед в свою очередь хвалил Никона, как мудрого советника царю Алексею. Царь в переписке с Никоном наделял его самыми восторженными комплиментами: "Избранный и крепкостоятельный пастырь, наставник душ и телес, возлюбленный любимец и содружебник, солнце, светящее во всей вселенной, особенный ("собинный") друг душевный и телесный."

Никон развивал любовь к себе царя не только по личным мотивам, но и в целях своей церковной идеологии, в целях достижения действительной покорности светской власти церковной, в целях достижения восточной теократии, как ее понимал Никон по своему начетничеству. При открытии мощей Саввы Сторожевского, Звенигородского чудотворца, Никон внушил царю перенести в Московский Успенский собор мощи трех святителей московских - мучеников за христианскую правду и за свое отечество, но несправедливо гонимых государственной властью, а именно: митрополита Филиппа II и патриархов Иова и Ермогена. Проект был принят и осуществлен еще при патр. Иосифе. В частности, за более далекими мощами митр. Филиппа,

в Соловки, в начале 1652 г. царь отправил самого новгородского митрополита Никона. И вот характерно содержание той покаянной грамоты, которую повез Никон от лица царя Алексея для прочтения в Соловках перед гробом священномученика Филиппа. Текст грамоты явно продиктован был Никоном и смирял царскую власть пред церковной. Царь обращается к митр. Филиппу, как к живому: "Ничто столько не печалит души моей, пресвятой владыко, как то, что ты не находишься в нашем богохранимом царствующем граде Москве, во святой соборной церкви Успения Пресв. Богородицы, вместе с бывшими до тебя и по тебе святителями, чтобы ради ваших совокупных молитв, всегда неподвижной пребывала св. соборная и апостольская церковь и вера Христова, которую спасаемся. Молю тебя, приди сюда и разреши согрешение прадеда нашего, царя и великого князя Иоанна, совершенное против тебя нерассудно, завистию и несдержанною яростию. Хотя я и неповинен в досаждении тебе, но гроб прадеда приводит меня в жалость, что ты со времени изгнания твоего и доселе пребываешь вдали от твоей святительской паствы. **Преклоняю пред тобою сан мой царский** за согрешившего против тебя, да отпустишь ему согрешение его своим к нам пришествием, и да упразднится поношение, которое лежит на нем за изгнание тебя. Молю тебя о сем, о священная глава, и **преклоняю честь моего царства** пред твоими честными мощами, повергаю на умоление тебя **всю мою власть...**"

За время поездки Никона в Соловки в Москве схоронили патр. Иосифа. Формальными кандидатами на патриаршество были митр. Ростовский Варлаам, Антоний, епископ Углицкий и, конечно, Никон. Члены передового московского кружка, к которому принадлежал и Никон, называли кандидатом и Стефана Вонифатьева, но тот благоразумно и решительно отказался, указывая на Никона, как на единственно удобного царю. Старые друзья даже мечтали, что Никон будет выдвигать их. Но Никон слишком полон был большими принципиальными замыслами возвышения церковной власти, что не мог удержаться на неподвижной позиции этих как-никак московских "провинциалов." Он решительно примыкал к большой государственной мысли царя Алексея о превращении русского царства во вселенское, нео-"цареградское," и решительно был занят своей программой максимум о возвышении церкви над царством. Поэтому неизбежно он высоко вознесся над своими бывшими друзьями, и как бы обидно забыл их в своих диктаторских планах. Никон, после соборного обычного избрания его, долго не соглашался принять патриаршество, не ради пустой церемонии. По его убеждению, он должен был совершить исключительной важности подвиг освобождения церкви от государства и возвышения ее над государством, а для этого он должен был получить и исключительные полномочия. Царь с духовенством и боярами, в Успенском соборе, на коленях и со слезами умоляли Никона. И тот, в свою очередь тоже со слезами и волнением, требовал от них исключительных обещаний и клятв. "Если вам угодно, говорил Никон, чтобы я был патриархом, произнесите обет в этой соборной церкви..., что вы будете содержать евангельские догматы и соблюдать правила св. Апостолов и св. отец и законы благочестивых царей. Если обещаетесь слушать и меня, как вашего главного архипастыря и отца во всем, что буду возвещать вам о догматах Божиих и о

правилах, если дадите мне устроить церковь, то я по вашему желанию и прошению не стану более отрекаться от великого архиерейства." И такое обещание царь и собор Никону дали. Это было 22 июля 1653 г. Никон был еще в расцвете своих сил. Ему было только 47 лет. Вероятно, давшие обещание догадывались, о каком устройении церкви Никон главным образом будет радеть: что он будет бороться с тенденциями Уложения 1649 года. Никон, став патриархом, признавался, что, как архимандрит, он в свое время вынужден был подписать Уложение неохотно и в душе затаил протест. Позднее писал он: "я постоянно просил царя об этой проклятой книге, чтобы миряне духовных не судили. Но кроме уничтожения ничего не получал."

В чем же состояла суть реформы Уложения 1649 года? Уложение - предтеча будущей земельной секуляризации 1764 г. Но оно еще не коснулось самой земледельческой базы церкви. Самые земли, как источник кормления, еще остались в руках архиереев и монастырей нетронутыми. Взята генерально в руки светской власти только чисто государственная по своей природе судебная функция над народонаселением церковных поместий и частично функция административная. Было что-то противоестественное, в духе азиатских теократий, в том, что не государство, а сами церковные власти "судили и рядили" свое население по всем гражданским тяжбам и преступлениям. Иерархия еще не могла постигнуть всей уродливости этого архаического права. Правда, категория дел специфически уголовных, насильнических (кража, разбой, убийство) была искони в руках тиунов и бояр государственных. Но по всем остальным гражданским делам архиереи и монастыри судили и рядили **своих** людей **сами**. Т. е., кроме духовенства и монашества, что само собой разумеется, церковные власти судили и **все мирское население** их поместий. Штрафовали и сажали виновных в свои тюрьмы и организовали для арестантов принудительные трудовые повинности.

Это право на чисто государственную функцию суда и администрации было явным пережитком старой удельной эпохи, когда княжества и земли "согосударствовали" с центральным правительством. Создавая единое государство, Москва ревниво забирала в свои руки и власть, и администрацию, и финансы. Новые мелкопоместные служилые категории за свое земельное "испомещение" несли общее государственное тягло натурой и денежным обложением, не претендуя на независимость от центральной власти. Разумеется, наряду со всеми служилыми людьми и церковные землевладельцы несли государственное тягло, платя и денежное обложение в царскую казну, и натуральные повинности, и военно-мобилизационные ("конен, люден и оружен"). Но все-таки государство имело нужду для расплаты со все возрастающим служилым классом в еще большем запасе земель. И потому манило церковное население разными льготами, чтобы оно само тянуло к землям государственным. Нужно было чем-то вырвать население у церковных властей даже частично, не снимая с земли. Это был метод так называемых "тарханных" и "несудимых" грамот. Тюрко-татарский термин "тархан" значит свободный привилегированный человек. По таким грамотам церкви, монастыри с их духовенством, братией, слугами и крестьянами уходили из ведомства церкви в ведение суда и

управления государственного. К XVII веку для этих дел создавался даже особый государственный "Приказ Большого Дворца." Вопреки жалобам еще Стоглавого Собора 1551 г., процесс бегства из ведомства церкви продолжал расти. Но чисто духовные дела (брачные, семейные, по духовным завещаниям), конечно, по-прежнему оставались в ведомстве суда чисто духовного на тех же территориях. В начале XVII столетия судебные дела церковных людей составили в Приказе Большого Дворца даже особый отдел под названием "Монастырский Приказ."

Дальнейшее и окончательное завершение процесса огосударствления всего суда и администрации проведено было Уложением 1649 г. То, что прежде достигалось частичными урывками через тарханские и несудимые грамоты, теперь полностью передано было государству. И этот блок дел во всем его разросшемся объеме, став делом государственным, сосредоточился в том же светском судебном учреждении, но сохранившем свое устаревшее название "Монастырского Приказа." Кончились привилегии духовенства и церковного населения по делам гражданским. Вся эта "монастырская" (по старой терминологии) масса дел стала светской, государственной. Кончилась и пестрая путаница разных "несудимых" грамот. Все они отменены и перекрыты общей системой равного государственного права.

Осталась лишь одна непоследовательность, одно исключение. За патриархом, как за неким удельным князем, оставлено его прежнее "домовое вотчинное право." Его епархия-область изъята из ведения Монастырского Приказа. Все боярские, дворовые, приказные люди и крестьяне патриарха судились и управлялись по-старому, т. е. патриаршими чиновниками.

Вся эта большая реформа 1649 г. не называется еще общим термином "секуляризации," потому что самое право на церковные земли, на экономику в них и доходы не отнималось еще у духовенства, церковью и монастырей. Церковь по-прежнему и еще надолго оставалась крупнейшим землевладельцем и помещиком. Происшедшее ограничение судебно-административного ведомства церкви было исторически неизбежным и закономерным. Русское государство при царе Алексее ускоренным темпом перерождалось из государства вотчинного в государствовочистое: правовое и бюрократически-полицейское. И вотчинничество церкви, наряду с ликвидацией вотчинничества всех уделов, даже вотчинничества самого царя, должно было быть ликвидировано.

Нужда экономическая и техническая в этом переломе была острая. **Но ясной идеологии не было** ни у той, ни у другой из столкнувшихся сторон.

Церковь понимала свой быт, как каноническую вечную норму, и в букве греческих номоканонов видела подтверждение этой нормативности. Это было недомыслие. Но и государственная сторона не знала, как ей быть с этой канонической буквой. Не имела силы знания, чтобы истолковать ее правильно, исторически. По инстинкту государственной неизбежности правящие люди делали то, к чему вынуждала их жизнь. Смягчали свои акты компромиссами. Таковы, например, исключения 1649 г. для патриаршей области. Но оправдать

себя принципиально и теоретически не умели. Шли на обходную борьбу от случая к случаю, придираясь к деловым и хозяйственным упущениям церковного управления; к смене лиц, к суду и тяжбам, даже к обращению к грекам за помощью в борьбе с родной русской церковью. Завязывалась слепая борьба двух непросвещенных сторон. Героями ее пришлось быть родным братьям по духу, по вере, по культуре, по мировоззрению: патриарху Никону и царю Алексею. Совершенно иначе было при Петре Великом. Тот прямо выдвигал против церкви иные, новые, чуждые принципы...

Эта история XVII века прискорбная и по существу лишняя, крайне невыгодно обернувшаяся для церкви, ибо объективная историческая правда была на стороне государства. Но неправильная защита государством своих прав, превратившаяся в насильственное давление над правосознанием церкви, делала правой и церковную сторону в ее обиде на государство. Однако, все затемнялось неумением точно объяснить свои права и правильно разделить в них принципиальное и вечное от преходящего и исторически случайного.

Для идейной борьбы с Уложением патр. Никон впервые напечатал в 1653 г. свою знаменитую церковно-славянскую Кормчую с древних рукописей.

Ради фактической борьбы с ограничениями собственнических прав церковного хозяйства, Никон с особым вдохновением умножал патриаршие земельные владения и расширял границы собственной патриаршей области. При Никоне они достигли небывалых размеров. И сам царь, забывая Уложение, вновь жертвовал Никону имения. И Никон, презирая Уложение, вновь приобретал.

От Москвы на сотни верст простирались патриаршие земли. На севере (Архангельская, Вологодская, Новгородская области) целые пространства вновь приобретены были Никоном. Едва не целые уезды Новгородской губернии: Валдайский, Крестецкий, Старорусский. В Тверском крае: Ржев, Осташковская область. На Волге; рыбные ловли в Казанском и Астраханском краях. На юго-западе, в сторону Киева много пространств, взятых у Польши. На юге: земли вплоть до Крымских степей. По свидетельству Павла Алеппского, до Никона в патриарших владениях числилось до 10.000 домовых хозяйств. При Никоне их число возросло до 25.000.

Среди этой внутренней церковной "империи" Никон построил три монастыря, предназначенных для роли как бы личных династических владений церковного монарха. Иверский монастырь, близ города Валдая (Новгородской области), Крестный монастырь на острове Белого моря, близ устья р. Онеги, и Воскресенский монастырь, названный "Новый Иерусалим" (около г. Воскресенска, недалеко от Москвы). Претенциозное название Новый Иерусалим воплощало целый комплекс великодержавных мечтаний Никона. Кроме копирования Иерусалимского храма Гроба Господня, алтарь в этом храме имел пять отделений с пятью престолами для всех пяти патриархов. Средний престол

Никон предназначал для себя, не только как для хозяина, но и как для первого воистину вселенского из патриархов.

Эти три монастыря царь пожаловал Никону в его личное владение. Новый патриарх принялся с вдохновением за выполнение той программы своего служения, которая была из долговременных личных бесед и внушений хорошо известна царю и разделялась последним, ибо исходила от царского духовника, протопопа Стефана Вонифатьева. Это была одна из идей того передового кружка, в котором сформировалось мировоззрение и самого Никона. Эту программу можно назвать программой московского церковного великодержавия, требовавшей срочных и чрезвычайных реформ в русской церкви для ее вящего исправления и прославления. Греческий образец при этом брался и в контраст латинству, и ради приближения церкви русской к греческому восприятию на случай ее прихода в самый Царьград.

В это дело Никон вложил весь свой бурный темперамент и свою неумеренную властность. Он делал все с богатырским напором и увлечением. Он любил пышные богослужения и неустанно совершал их, привлекая к сослужению всех разрядов клириков от 40-ка до 75-ти лиц. Украшался самыми дорогими облачениями из патриаршей ризницы и создавал новые, небывало роскошные. Например, к Пасхе 1655 г. был заказан саккос из венецианской парчи чистого золота, усыпанный жемчугом и драгоценными камнями в таком количестве, что весил полтора пуда; один епитрахиль, максимально украшенный, весил около пуда. Стоимость облачения по тогдашнему оценивалась в 30.000 рублей. Такая преувеличенная богослужебная пышность подсказывалась не просто одной суетностью, но была для Никона символом и орудием усиления его власти. Никон хотел реализовать права, какие он вычитывал для себя в букве Кормчей. Например, Павел Алеппский сообщает, что до Никона ни один епископ не ставился без царского указа. А Никон стал это делать, равно единственно по своей власти - и судить и запрещать епископов. Так, Павла Коломенского он единолично низложил и сослал, а Симеона Тобольского запретил. Никон и епархиальных архиереев поддерживал в тех же претензиях на независимость от царских интервенций. Архиереи с его легкой руки стали называть себя "государями" и говорили: "мы суду царскому не подлежим, судит нас сам патриарх."

Никон был строг и тираничен в суде над духовенством. Особые дьяки Никона ходили по церквам Москвы и доносили ему о беспорядках. Патриаршие стрельцы забирали на улицах нетрезвых попов и сажали в каталажки. Все это и раньше практиковалось. Но при Никоне приняло характер "террора." Слуги Никона тоже стали заносчивыми. Это взволновало и подняло против Никона большинство Москвы. Начиная с бывших друзей Никона - прот. Стефана Вонифатьева, Иоанна Неронова, Аввакума - все духовенство поднялось против патриарха. Гордость и недоступность Никона были безмерными. Говорили "у него устроено подобие адовых предписаний; страшно к воротам подойти." И. Неронов писал Никону: "Какая тебе честь, что ты страшен всякому. Кто ты? Зверь лютой (т. е. тигр), или медведь, или волк, или рысь? Дал тебе

благочестивый государь волю, и ты, зазнавшись, творишь всякие поругания, а ему государю сказываешь: я де делаю по евангелию и по отеческим преданиям." Стефан Вонифатьев и с Нероновым в 1653 г. подавали даже царю формальную жалобу на Никона. Никона упрекали: "он любит сидеть высоко, ездить широко." Но особенно неблагоприятной для Никона оказалась вражда к нему боярства из-за его претензий на сферу чисто государственной деятельности. Царь дал Никону титул "Великого Государя," который по праву царского отца носил в свое время патриарх Филарет. А Никон смело пользовался этим титулом, видя в нем и свою реальную власть. В предисловии к Служебнику 1653 г. царь и патриарх называются "двоицею, сугубицею, богоизбранною." Это Никоново теократическое убеждение. Никон был советником царя в деле присоединения Малой России. Он советовал воевать и с поляками (1654 г.) и со шведами (1656 г.). Уезжая из Москвы в походы, царь оставлял Боярскую Думу под контролем Никона. Никон слал указы воеводам в такой форме: "указал государь царь великий князь всея Руси Алексей Михайлович и мы, великий государь и патриарх..." Воеводы Никону адресовали свои челобитные. Боярин наместник Москвы и другие чины не имели права никакого дела решать без доклада патриарху. Даже коллективные боярские приговоры утверждались Никоном. Явившиеся к Никону самые высокопоставленные бояре принимались им стоя и получали инструкции, как поступать в том или другом случае. Когда бывало коллективное заседание с боярами и кто-нибудь опаздывал на минуту после звонка, ему приходилось ждать на дворе на холоде, пока патриарх не распорядится впустить в залу заседания. И духовным лицам был чужд этот стиль государственного властолюбия и помпы. Говорили про него: "он принял во власть строить вместо евангелия бердыши, вместо креста топорики на помощь государю, на бранные потребности." На Никона царь оставил и свое семейство, уезжая в поход. В Москве случилась моровая язва. Попечением Никона царская семья перевозилась в безопасные места. Никон вел переписку и с иностранными дворами: с Грузией, Молдавией, Валахией.

Боярская оппозиция Никону зародилась еще в бытность его митрополитом Новгорода. Там он был владыкой над боярами и в государственных делах. И еще раньше, когда Никон ездил в Соловки за мощами м. Филиппа. Был он неумеренно строг к сопровождавшей его боярской свите: мучил их постами и долгими церковными стояниями. Князь Хованский писал в Москву, прося довести до сведения царя их горькую жалобу, что Никон "ему и боярам житья не дает. Они совсем пропали от Никоновской строгости. Никогда такого бесчестия не бывало, что теперь государь нас выдал митрополитам. Лучше бы на Новой Земле за Сибирью пропасть, нежели за новгородским митрополитом быть."

Личные обиды боярства подогревали и обостряли уже осознанную ими вражду Никона к их детищу - Уложению 1649 г. И Никон не сдерживался в своих постоянных принципиальных нападениях. В боярской думе патриарх обличал бояр то в корысти, то в политически опасной игре с иностранцами. Пользуясь отсутствием царя во время войн 1654- 1655 гг., Никон уже прямо превозносился над боярами, приучая их к покорности патриаршей власти в

целях задуманного им своего рода переворота. Мысль о примате Церкви над государством туманила Никону голову. Не понимал он по своему научному невежеству, что мысль эта чужда всему восточному православию, что к нам просочилась она тоже благодаря научному невежеству в XV веке. Отсюда неистовая ярость Никона к Уложению и страстная мечта о возвращении церкви старой имущественной власти.

Но ни этих обид, ни принципиальных замыслов Никона бояре не могли простить ему. И прямо задались целью подорвать его фаворитское положение и свергнуть это иго временщика. Создался против него персональный комплот: Стрешневы, родственники царя по матери, Милославские, родственники по первой жене, свояк царя Морозов, и даже сама царица Марья Ильинишна. Всем им казалось, что Никон оттер их от царя. Не хотели понять, что царю дороги были таланты Никона и было мало толку от бездарных родственников. К родственникам царя примыкали: кн. Никита Одоевский, (идеолог и автор Уложения), кн. Алексей Трубецкой, Юрий Долгоруков, Салтыков. Стрешнев выучил своего пуделя складывать лапки крест на крест, чтобы вышучивать благословения Никона.

Но были у Никона и идейные друзья, это - поклонники просвещения и умеренные западники того времени, Ф. М. Ртищев, Артамон Матвеев и Ордин-Нащекин. Из родственников царя одна сестра его, Татьяна Михайловна была горячей поклонницей Никона. В ее горнице висел огромный портрет его, сохранивший и для нас его черты. Эта царевна осталась верной почитательницей Никона до самой его смерти.

Враги Никона поставили своей задачей оторвать сердце царя от патриарха, поссорить его с Никоном. Ход событий шел им навстречу. Царь вырастал, мужал, умудрялся и приобретал вкус к самостоятельности. Бояре пользовались этим и настраивали царя против Никона, как против захватчика неподобающей ему власти и чести в ущерб царю. Подошел момент, когда, наконец, это подействовало.

Параллельно шли книжные и обрядовые исправления. Быстрота и прямолинейность в этом деле Никона была хорошим поводом для его бывших друзей из духовенства, теперь обиженных его заносчивостью, столкнуться и заспорить с ним. Эти столичные протопопы, естественно, слились в общий фронт с боярской оппозицией. Бояре всячески поддерживали борьбу с Никоном наиболее пылких церковных спорщиков, быстро ставших вождями раскола: прот. И. Неронова, Аввакума, диакона Федора. Когда за протест против Никоновой "Памяти" (1653 год) о поклонах и перстосложении Никон на соборе 1654 г. судил И. Неронова, тот бросил ему с понятной целью такое политическое обвинение, что, дескать, Никон говорил: "царской помощи не хочу и не требую, да и на царскую власть плюю и сморкаю." И Неронов, приговоренный к ссылке, грозил Никону: "будет время и сам из Москвы побежишь, никем не гоним, токмо Божьим произволением." Эта псевдо-

пророческая угроза, конечно, была основана на планах уже единого протопопско-боярского фронта.

После неудачного шведского похода, предпринятого по настоянию Никона, царь стал заметно холоднее к нему. Внушения бояр, что военная неудача произошла по вине Никона и просто отвычка царя от Никона за время отлучек создали в нем некоторый протест против напористости "собинного друга." Возникает ряд личных конфликтов. Царь Алексей весьма чтит бывшего тогда в первый раз в Москве патриарха Антиохийского Макария. И вот царь узнал уже по отъезде Макария, что в свое время Никон в канун Богоявления не слушал совета Макария и освящал воду только однажды. А Макарий советовал по греческому уставу святить воду дважды. Царь пришел к Никону и стал бранить его по тогдашнему обычаю грубо: "мужик, невежа, б. сын..." Никон упрекал царя, что он не имеет права бесчестить своего духовного отца. А Царь ему: "Не ты мне духовный отец, а Макарий Антиохийский." И велел вернуть Макария с дороги обратно в Москву. Этот инцидент был только первым предвестником вспыхнувшей ссоры.

К началу 1657. г. бояре вызвали из ссылки И. Неронова, принявшего постриг с именем Григория, снискали ему благоволение царя и устроили их свидание для выслушания обвинений против Никона. Старец Григорий внушал царю: "Доколе терпишь этого врага Христова? Государевы царевы власти уже не слышать на Москве, а от Никона всем страх, и его посланники пуще царских всем страшны." Царь начал избегать встреч с Никоном. Никон понял и ответил контр демонстрациями. Сам стал уезжать в свой Воскресенский монастырь. 18-го октября 1657 г. было освящение в монастыре нового храма. Царь приехал как будто по-прежнему с миром. Но в Москве опять выявилось "бессоветие" царя с патриархом, т. е. фактический разрыв прежнего сотрудничества. Патриарх знал, что это - "от супостат." Главным супостатом в данную минуту был старец Григорий (Неронов). Никон стал приходить в нервное и ревнивое отчаяние от потери царской любви. В Покровском монастыре, после одной панихиды он вошел в келью и разразился рыданиями, причитая: "старец Григорий... старец Григорий!" Все великодержавные помыслы Никона о реформационных достижениях его патриаршества были построены целиком на любви и доверии царя. Без этого они были просто недостижимы. А потому в сознании Никона вонзилась мысль о неизбежности его ухода с патриаршества. А у царя сложилось решение тоже реформационное: ограничить Никона и впредь перестроить их взаимоотношения на холодных началах официального долга. И царю было тоже нелегко это сделать. Малодушная неоткровенность царя Алексея была сугубо несносна для Никона и толкала его на нелепые психологически шаги.

Конфликт разразился в начале июля 1658 г. Случилось то, что предвещал протопоп Иоанн Неронов. 6-го июля была встреча грузинского царевича Теймураза. В подготовительной суете заспорили представители по подготовке церемоний с двух сторон - царской и патриаршей. Царский окольный Хитрово ударил ни больше ни меньше, как палкой по лбу Никонова

представителя, кн. Дмитрия Мещерского. Царь не откликнулся как следовало бы, без проволочки, и не разобрал инцидента. Продолжал вести себя не как обидчик, а как будто обиженный. В ближайший праздничный выход 10-го июля в день Положения ризы Господней царь отсутствовал на утрене, а после утрени через посланного им боярина Юрия Ромодановского открыто заявил Никону: "царское величество на тебя гневен. Потому и к заутрени не пришел, не велел его ждать и к литургии. Ты пренебрег царское величество и пишешься Великим Государем, а у нас один Великий Государь - царь. Царское величество почтил тебя, как отца и пастыря, но ты не уразумел. И ныне царское величество повелел сказать тебе, чтобы впредь ты не писался и не назывался Великим Государем, и почитать тебя впредь не будет."

Как громом все это поразило Никона. Его воздушный замок рушился. Забравшаяся в его непросвещенную голову чуждая латинская теократическая мечта рушилась...

Никон был человек не половинчатый. Он реагировал стоять же радикально, ошеломляюще. К литургии в Успенском соборе он распорядился принести в алтарь его простую монашескую ряску, монашеский клобук и даже добыть или купить простую поповскую клюшку. Совершил литургию, причастился и, не открывая царских врат, сел пред престолом и написал письмо царю. Затем по окончании литургии взошел на амвон и обратился к народу в необычайном волнении, прерываемом слезами, со сбивчивой речью: "Ленив я был учить вас... От лени я окоростовел и вы, видя мое к вам неучение, окоростовели от меня. От сего времени не буду вам патриархом..."

Конечно, народ заволновался. Собор шумел. Никон распорядился заблаговременно, чтобы двери были закрыты. Стоял шум, почти никто ничего не понимал, что в точности говорилось Никоном. Прервав свою сумбурную речь, Никон стал разоблачаться и хотел надеть заготовленную ряску. Но друзья его на этом задержали. При пассивном злорадстве враждебного ему духовенства, Никон однако надел черную мантию и, по-видимому, думал уходить, но теперь уже двери были закрыты перед ним. Так было велено со стороны царя, куда была быстро сообщена весть о происходящем скандале. Никон в изнеможении опустился и сел на ступеньки кафедры. Царь прислал кн. Алексея Никитича Трубецкого с вопросом: "Для чего патриаршество оставляет, не посоветовав с великим государем, и чтобы он патриаршества не оставлял и был по-прежнему." Никон на словах заявил царскому посланцу "оставил же я патриаршество собою, а о том де и прежь сего великому государю бил челом и извещал, что мне больше трех лет на патриаршестве не быть." И при этом вручил Трубецкому написанное государю письмо. Несомненно Никон в свое время такие свои заветные мысли честно высказывал в годы дружбы к нему царя. Он не мог не сознавать, что его максимальный план может быть сорван. И он держал в резерве ультиматум, чтобы выйти из игры с честью на случай краха. Теперь момент наступил. Самолюбие подсказывало быть последовательным. Трубецкой быстро возвратился от царя с письмом не распечатанным и с новой просьбой патриаршества не оставлять. На это Никон

заявил: "уже де я слова своего не переменю, да и давно де у меня о том обещание, что патриархом мне не быть..." И поднявшись стал выходить из собора, двери которого предусмотрительно были открыты. Пошел он с палочкой мимо своих патриарших палат налево к Спасским воротам. Они были заперты. Опять он, как нищий, сел под сводами ворот, пока не пришло распоряжение: отворить ворота и выпустить странника. Пешком, с клюшкой добрел он до своего подворья. Через трое суток он молча уехал в свой Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. Трехдневное отмалчивание царя и двора было прозрачным ответом, что самоотставка будет принята. Так не оправдались расчеты на любовь и привязанность к Нему царя.

Кн. А. Н. Трубецкой впоследствии показывал, что царь его же снова посылал 12-го июля вдогонку в Новый Иерусалим к Никону за разъяснением: почему в точности он уходит? Никон ответил: "что поехал он с Москвы вскоре, не известя великого государя и в том пред великим государем виноват. А убоился того, что его постигла болезнь, и как бы ему не умереть в патриархах. А впредь де он в патриархах быть не хочет. А только де похочу быть патриархом, проклят буду и анафема." Эта мотивировка ухода с патриаршества со ссылкой на заранее высказанное царю обещание быть на патриаршестве не больше трех лет, обещание, закрепленное морально для Никона его обетом для самого себя, с закланием на случай измены, до сих пор не уяснены историками. Но это надо учесть. Лгать в такой момент Никон не мог. Надо принять, что такие Слова царю он заранее говорил. Смысл их понятен в связи с боевой церковной программой Никона. Если он и не понимал ясно этого умом, то мог инстинктивно чувствовать, что он замышляет нечто необычное, новое в истории родной церкви. И не даром во имя своей рискованной программы Никон, как известно, и принятие им патриаршества, обусловил торжественным клятвенным обещанием со стороны царя и бояр - оказывать ему послушание. Он предвидел борьбу и заранее придумал тактику воздействия на непокорных. Но максимум своих расчетов он возложил на любовь и преданность ему царя, носителя всепобеждающей самодержавной власти. Он наметил формально тот же метод в борьбе за свою программу, который в парламентской практике сводится к "постановке вопроса правительством о доверии." Он предполагал, что уже после трех лет опыта придется вопрос поставить. После двух трехлетий само собой открылся повод более чем достаточный. Никон вопрос "о доверии" поставил. Выявилось "недоверие." "Отставка" явно стала неизбежной. Ссылка на болезнь и опасение умереть патриархом имеет уже второстепенное значение, т. е. опасение умереть, "подпав под свою анафему."

Так началось путанное дело патриарха Никона и смутное междупатриаршество на целое почти 10-летие, до 1667 г.

На этот период пало неблагоприятное разрешение вопроса о книжных исправлениях, так бурно двинутых патриархом Никоном.